

XXIX г.

№ 50

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX

1898

Выходит еженедельно 52 № в годъ, съ приложениемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 12 декабря 1898 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Оглядывается.

— Папаша, бѣгите къ кондуктору.

— Зачѣмъ?

Только глаза у того сверкаютъ...

— Мы не повинны. Я ничего, ничего не знаю... Я старикъ. Я усталъ... Я спать хочу... Утромъ разбуди меня.

Наконецъ-то... Поѣздъ тише и тише... Останавливается. Гуще черные клубы дыму. Медленнѣе грохотъ.

Алексѣй Моисеевичъ выбѣгаетъ... Со слѣпу наткнулся на кого-то... Падали спѣшить сюда кондукторъ.

— Кто здѣсь остановилъ поѣздъ? Что случилось?

— Жена... жена...

— Ну? Говорите скорѣе... И безъ того съ опозданиемъ въ Вильну приѣдемъ.

— Упала... Вышла... Должно-быть съ площадки...

Кондуктора прочь откинуло. Онъ со страхомъ вма- тривается въ это блѣдное лицо.

— Упала... Господи... Барыня, которая здѣсь?

— Да, да.

Изъ всѣхъ вагоновъ выбѣгаютъ люди. Въ черномъ царствѣ ранней ночи мелькаютъ огни фонарей. Вагоны медленно ползутъ назадъ. Передъ ними кондуктора внимательно вглядываются на рельсы, на полотно дороги, на откосы его по сторонамъ... Слышится глухой, опасливый говоръ. Вполголоса... Страшно крикнуть въ этомъ таинственномъ мракѣ... Моисей Лукичъ откинулся въ уголь купѣ и крестится...

(Окончаніе будетъ.)

Кишлакъ Таджикъ въ Ферганской области.

Очеркъ М. Я. Герцулина.

(Съ рис. и планомъ.)

Въ 45-ти верстахъ отъ Маргелана, главнаго административнаго центра Ферганской области, почти въ самой серединѣ небольшой цвѣтущей долины,—лежитъ кишлакъ Таджикъ. Селеніе это служило мѣстопробываніемъ минь-тюбинскаго ишана, Магометъ-Али-Хальфа, главнаго виновника «ферганскихъ безпорядковъ». Читателямъ *Нивы* не безынтересно будетъ познакомиться съ мѣстомъ, гдѣ, если не зародился, то, во всякомъ случаѣ, созрѣлъ и развился, получивъ окончательную форму, планъ безумной затѣи инсипроверженія русскаго владычества въ Ферганѣ.

Приводимъ отрывокъ изъ записной книжки очевидца событій, имѣвшихъ мѣсто въ Ферганской области послѣ ночи съ 17-го на 18-е мая.

...Если оставить почтовый трактъ и со станицъ Кувы (26 верстъ отъ Маргелана) поѣхать прямо на востокъ, то за кишлакомъ Тальмазаромъ взорамъ нашимъ представится ровная степь съ едва замѣтнымъ подъемомъ къ юго-востоку. По мѣрѣ того какъ, уходя въ даль, мало-по-малу сливаются съ горизонтомъ очертанія Кувинскаго оазиса, роскошная растительность послѣдняго смѣняется самымъ скуднымъ покровомъ средне-азиатской степной флоры, выжженной жгучими лучами польскаго солнца. Усыпанная кругляками степь далѣе представляетъ всѣ характерные признаки того типа, который Миддендорфъ такъ мѣтко охарактеризовалъ названіемъ «каменистой или щебеной пустыни».

Верстахъ въ 7-ми отъ Кувы дорога, замѣтно поднимаясь, идетъ между разстилающимися по обѣ стороны отъ нея полями скудной богарной пшеницы, растущей по покатолямъ той гряды небольшихъ возвышеній, которыя узкой полосой пересѣкаютъ восточную половину ферганской долины въ направленіи съ юга-запада на сѣверо-востокъ. Черезъ часть пути начинается спускъ съ сѣдовины въ узкое ущелье къ расположенному въ концѣ его кишлаку Полванъ-ташу. (На картѣ на этомъ мѣстѣ показанъ Янгичскъ.)

Этимъ ущельемъ начинается роскошная долина, вся зеленая, сплошь покрываемая полями риса, хлопка, джугары (сорго), кукурузы и клевера. Наибольшая длина ея не болѣе 26-ти верстъ, ширина же не превышаетъ 12-ти.

Начинаясь ущельемъ у кишлака Полванъ-таша, долина замыкается известнымъ въ краѣ Араванскимъ ущельемъ съ не менѣе известною *лошидою* на одной изъ его гранитныхъ стѣнъ. По преданію мусульманъ, это — отпечатокъ тѣни лошади пророка Али, одного изъ первыхъ калифовъ, гробница котораго, подлежащая, впрочемъ, большому сомнѣнію, находится въ Шахи-мерданѣ, въ 25-ти верстахъ отъ Маргелана. (На самомъ дѣлѣ лошади эта даже не капризъ природы, не случайное сочетаніе изъ разноцвѣтныхъ горныхъ породъ, а искусственное изображеніе на гладкой поверхности, почернившей отъ времени, скалы.)

Слѣва долину замыкаетъ та гряда плоскихъ возвышеній, о которой упоминалось выше; почти такой же высоты возвышенія идутъ справа, а за ними, совсѣмъ повидимому близко, рисуются на темно-голубомъ фонѣ неба причудливыя очертанія ближайшихъ предгорій Алая съ ихъ зубчатыми скалистыми вершинами, за которыми поднимается еще рядъ такихъ же зубчатыхъ стѣнъ съ блестящимъ покровомъ вѣчныхъ снѣговъ.

Окаймляющія долину возвышенности, вслѣдствіе болѣе высокаго положенія надъ уровнемъ моря, не лишеныя естественнаго (атмосфернаго) орошенія, покрыты полями богарной пшеницы, внизу же, благодаря обилію искусственнаго орошенія, долина представляетъ цвѣтущій оазисъ съ прекраснымъ здоровымъ климатомъ и богатѣйшею растительностью.

Почти въ самомъ центрѣ этой долины, на полпути между гг. Маргеланомъ и Ошемъ, среди зелени садовъ и виноградниковъ, лежитъ кишлакъ Минь-тюбе (тысяча холмовъ). Подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ, однако, разумѣть нѣсколько селеній, непрерывно одно за другимъ слѣдующихъ и вытянувшихся, по обыкновенію, въ линію по теченію воды. Селенія эти известны подъ разными наименованіями. Встрѣчающіяся въ официальной перепискѣ на-

званія — слѣдующія: Таджикъ, Кашгаръ, собственно Минь-тюбе и другія.

Первый изъ нихъ, Таджикъ, и служилъ постояннымъ, въ теченіе 10-ти лѣтъ, мѣстожительствомъ известнаго теперь по прискорбному событію 18-го мая ферганскаго ишана Магометъ-Али-Хальфа, пользовавшагося среди туземцевъ громкою извѣстностью и еще при жизни считавшагося мусульманскимъ населеніемъ края святымъ. Минь-тюбенскому ишану было 42 года, когда, преданный туркестанскому военно-окружному суду съ примѣненіемъ къ нему законовъ для военнаго времени установленныхъ, онъ былъ казненъ черезъ повѣшеніе со своими 5-ю главными сообщниками. Узбекъ по происхожденію, средняго роста, онъ обладалъ самою обыкновенною наружностью. Есть, однако, основанія предполагать, что человѣкъ этотъ отличался большою силою воли, и фактически установлено, что онъ имѣлъ громадное влияние на магометанское населеніе края. Разказы о его первоначальной жизни весьма сбивчивы и разнорѣчивы. Наиболѣе заслуживаетъ довѣрія слѣдующій:

Въ минь-тюбенской волости, маргеланскаго уѣзда, по дорогѣ изъ Минь-тюбе въ Ассакѣ и въ 4—6-ти верстахъ отъ послѣдняго одиноко возвышаются три тѣнистыхъ карагача; стоятъ они у самой дороги на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга и, благодаря совершенному отсутствію какой бы то ни было древесной растительности нагорной полосы, производятъ странное впечатлѣніе.

Къ сѣверу отъ нихъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, начинается подутвѣсный обрывъ въ долину Шариханъ-сай. У наиболѣе отдаленнаго отъ Ассакѣ карагача, въ каменисто-глинистомъ обрывѣ небольшого холмика, видѣется небольшой котлообразный гротъ. Лѣтъ 15—20 тому назадъ въ немъ поселился отшельникъ; онъ же посадилъ и вырастилъ карагачъ, привнесъ издадека воду для поливки.

Въ жаркій безоблачный день ферганскаго лѣта, когда усталый и томимый жаждою путникъ на минуту останавливался въ тѣни одного изъ деревьевъ, ища убѣжища отъ знойныхъ лучей подтропическаго солнца, къ нему подходилъ отшельникъ, въ которомъ многие впоследствии узнали Магомета-Али-Хальфа. Онъ привѣтствовалъ усталого путника съ изысканною восточною вѣжливостью, предлагалъ отдохнуть и подавалъ воды; затѣмъ весьма ловко разспрашивалъ его, кто онъ, куда и зачѣмъ идетъ или ѣдетъ и, такимъ образомъ, вступалъ въ разговоръ. Чрезвычайно мѣткія замѣчанія, знаніе корана и шариата, которое обнаруживалъ при этомъ отшельникъ, производили сильное впечатлѣніе на правовѣрнаго путешественника, который въ отшельникѣ привылъ видѣть, обыкновенно, сумасшедшаго.

Зимомъ же, когда недалековидный или беззаботный путникъ, не запасшись теплой одеждой при внезапно разбушевавшейся погодѣ, отдавая себя на волю Аллаха, искалъ защиты отъ вѣтра подъ густою шапкою вѣтвей засыпаннаго снѣгомъ карагача, его ободрялъ голосъ того же отшельника; онъ поилъ продрогшаго путника горячимъ чаемъ и иногда снабжалъ его теплой одеждой изъ своего скуднаго гардероба.

Однимъ словомъ, Магометъ-Али-Хальфа совсѣмъ не былъ похожъ на тѣхъ отвратительныхъ грязныхъ отшельниковъ (диванъ), которые живутъ во многихъ мѣстахъ Ферганы и гдѣ подъ этимъ названіемъ разумѣютъ скорѣе дурака, чѣмъ святого или юродиваго. Знаніе же свѣщенныхъ книгъ, пламенное краснорѣчіе и подвижническая жизнь сдѣлали то, что слава о замѣчательномъ пустынникѣ быстро стала распространяться по окрестностямъ.

Послѣ путешествія въ Мекку, Магометъ-Али-Хальфа поселился десять лѣтъ тому назадъ въ Таджикѣ и вскорѣ объявилъ себя преемникомъ извѣстнаго тамъ ишана Султанъ-Халъ-Тюрк, предлявивъ при этомъ довольно сомнительнаго свойства документъ на это званіе. Съ этого времени слава о минь-тюбинскомъ ишанѣ стала расти не по днямъ, а по часамъ. Жители окрестныхъ деревень заходили къ нему теперь не только по нуждѣ; многие искали слова утѣшенія, другіе просили совѣта, третьи обращались къ нему въ спорныхъ вопросахъ тяжелаго характера, четвертые приходили за разрѣше-

нием дель более интимного свойства. Знание шариата, из которого мусульманин приобретает во всех сомнительных случаях своей жизни, знание обычая, характера народа, всех сторон общественной, частной, домашней и семейной жизни, вместе с находчивостью и изворотливым казуистическим умом нового ишана давало ему возможность удовлетворять всех. Слава об ум и образованности Магомета-Али-Хальфа распространилась далеко за пределы местности, в которой он поселился. Когда нашлись жертвователи, у него явилась возможность благоденствовать, и он широко стал пользоваться этим средством для упрочения своей популярности.

Так объясняют причины того обаяния, каким ишань пользовался в среде своих единовѣрцев даже из интеллигентного класса, не говоря о темной массе простонародья.

Громадное большинство туземцев утверждает, тем не менее, что их ишань никогда не был диваном, а был токарь по роду занятий*, и называют одно лицо, у которого много лет тому назад он служил в качестве малайки (слуги).

Добровольные приношения усердных почитателей Магомета были так обильны и часты, что ишань, возвратившийся из Мекки не богаче Юна постъ посетивших его несчастий, успевало много разбогатеть. Построенный им «дом-мечеть» и хозяйственные постройки занимают 14½ тананъ (16 десятин) земли; в разных же частях одного маргеланского уезда ему принадлежало 447 т. пахотной земли. Кроме того, здесь же, 8 тананъ земли занято древесными посадками, имеется 2 мукомольных мельницы, 4 толчеи для добытия канжутиного масла, кирпичный завод и т. п. Имъ основаны даже небольшие, в 25-ть дворовъ, кирпичный завод и т. п. Имъ основаны даже небольшие, в 25-ть дворовъ, кирпичный завод и т. п. Имъ основаны даже небольшие, в 25-ть дворовъ, кирпичный завод и т. п.

По словам обывателей Таджики, на полном иждивении ишана в многочисленных помещениях его имѣния постоянно жило не менее 400 человек, а временами находило себе приют и вдвое большее число. О справедливости такого показания свидетельствуют единственные описи конфискованного имущества ишана, по которым числится, по меньшей мѣрѣ, на 800 человекъ предметов, составлявших принадлежность домашнего комфорта туземного общества населения, сверх техъ, которые были необходимы для постоянного обихода проживавших.

Для приема добровольныхъ приношений у ишана из числа его мюридовъ были назначены особые приемщики, исключительно принимавшие всегда один и тот же предмет: так один из них принимал лошадей, другие барановъ, третьи только рисъ и т. п. Постъ сбора, в назначенное время, каждый из добровольныхъ жертвователей въ сопровождении такого специального приемщика отправлялся просить благословения ишана. Постѣдній, нацелуясь своихъ усердныхъ почитателей, благодарить каждого из них порознь, называя при этом предмет приношения по имени. Как ни просто было само по себе это чудо—свернуть, недогадливыхъ единовѣрцевъ Магомета это ясновидные приводило в неопровержимое изумление.

Резиденция ишана находится почти в самом начале кишлака Таджики, при въездѣ въ который задній фасъ длиннѣйшаго двухэтажного корпуса несколько бросается въ глаза среди миниатюрныхъ туземныхъ построекъ, темъ более, что онъ тянется вдоль самой дороги на Ошъ. Широкия же, всегда незакрывающихся ворота даютъ возможность видеть весь передній фасъ обширной мечети съ двумя рядами громаднѣйшихъ колоннъ.

Здание минь-тюбинской (вѣрнѣе Таджикиской) мечети, собственно

говоря, не представляетъ ничего особеннаго въ архитектурномъ отношеии: это самая обыкновенная средне-азиатская мечеть, отличающаяся отъ другихъ развѣ только своею величиною.

Мечеть представляетъ два части: крытую террасу, потолок которой поддерживается двумя рядами огромнѣйшихъ деревянныхъ колоннъ, числомъ 35-ть, предназначающихся для совершения намазовъ въ лѣтнее время, и закрытую, зимнюю,—внутренность самого здания.

Эта послѣдняя имѣетъ двѣ входныхъ двери *d, d* (см. планъ): свѣтъ проникаетъ въ нее черезъ громадныя, по своимъ размѣрамъ и массивности, деревянные рѣшетки, оклеенныя прозрачною бумагой, вставленныя въ оконныя отверстія *o, o, o* и закрывающіяся нащельными деревянными ставнями. Въ томъ случаѣ, когда двери закрываются, а окна закрываются ставнями, для прохода въ мечеть свѣтъ остается незакрытымъ задѣланными рѣшетками четырехугольные отверстія надъ дверьми и окнами.

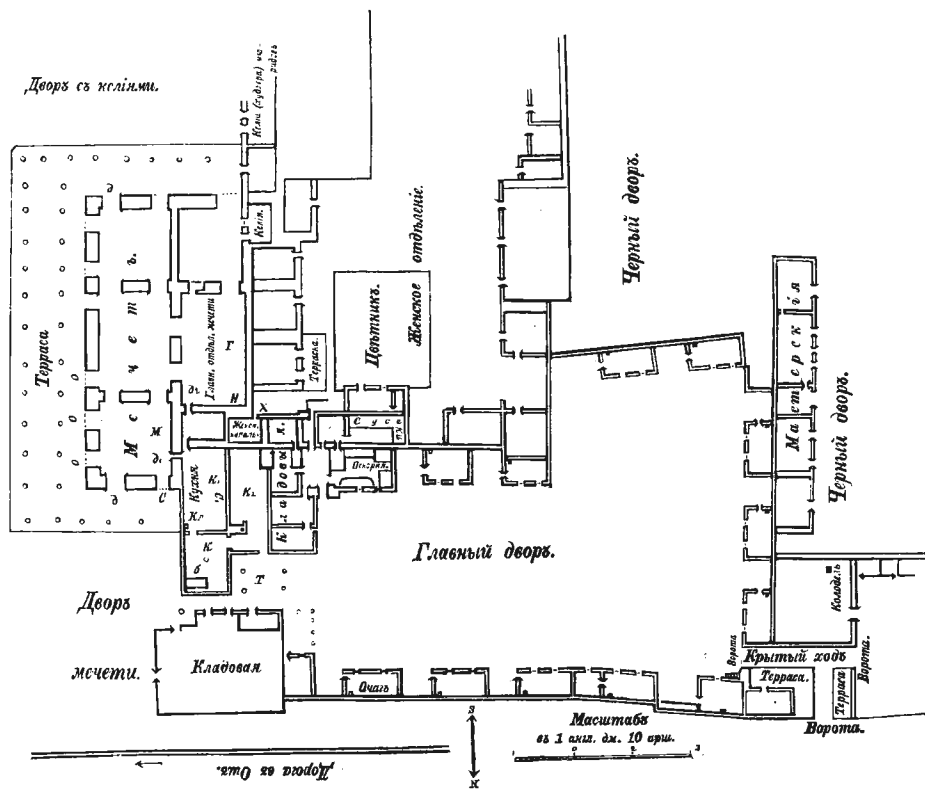
Внутренность мечети описывать нечего, въ ней поражаетъ полное отсутствие какихъ бы то ни было украшений, а такъ какъ стѣны ея еще не выѣлены, то она, кроме того, крайне неприглядна. Вообще же, какъ мечеть, такъ и все жилие помещенія главного двора производятъ впечатлѣние сѣдой работы, неостроенной еще и крайне непрочной постройки.

Изъ первого отдѣленія мечети *M* ведетъ миниатюрная дверь *d1* на кухню; немного большаго размѣровъ дверь *d2* соединяетъ съ послѣднею и главное отдѣленіе мечети *G*. Въ стѣнѣ того же главнаго отдѣленія, смежной съ кухнею, на высотѣ 4-хъ аршинъ отъ земли устроена, задѣланныя деревянною рѣшеткою, ниша *H* съ небольшимъ оконечкомъ къ сторонѣ внутренности мечети: отсюда Магометъ-Али-Хальфа произносилъ проповѣди и благословлялъ молящихся. Изъ этой ниши въ ту же кухню ведетъ невидимое для нескромнаго глаза слуховое окошечко. Какое значеніе имѣетъ это сообщеніе кухни съ мѣстомъ, гдѣ происходило богослуженіе, сказать пока трудно. Несомнѣнно, однако, что оно имѣло некоторую связь съ совершеиіемъ такъ-называемыхъ «ишановскихъ чудесъ».

Съ южной стороны къ мечети примыкаютъ два, расположенные одинъ за другимъ довольно значительныхъ по величинѣ, двора. Оба они окружены одноэтажными постройками съ келиями для учениковъ, которыхъ, по словамъ туземцевъ, было не то 70, не то 100. Въ первомъ изъ нихъ въ особомъ помещеніи было медресе, а во второмъ—небольшое кладбище съ могилою-склепомъ какого-то святаго. Рядомъ со вторымъ дворомъ находится обширный прудъ (хаузы) для омовеній.

Главный дворъ имѣетъ видъ замкнутого со всехъ сторонъ четырехугольника, три стороны котораго составляютъ двухэтажныя постройки, не вездѣ, впрочемъ, законченныя, а половина четвертой—занята кухнею, парней и кладовыми.

Въ этотъ дворъ ведетъ со двора мечети узкій, крытый коридоръ, заканчивающийся открытой къ сторонѣ главнаго двора террасой *T*. Надъ послѣднею находится жилое помещеніе, въ которомъ жилъ самъ минь-тюбинскій ишань Магометъ-Али-Хальфа. Комната эта, такимъ образомъ, главнымъ фасадомъ обращена внутрь двора, какъ и лицевые фасады всехъ его построекъ. Это очень маленькое помещеніе съ глинянымъ поломъ и такимъ же некрашенымъ потолкомъ. Нижняя часть помещенія оклеена обоями. Вдоль стѣнъ, начиная отъ середины ихъ высоты до потолка, тянутся обыкновенныя четырехугольныя ниши. Комната имѣетъ одну дверь и два окна, такихъ же, какъ и первая, размѣровъ, со ставнями, открывающимися внутрь. Она ея, въ противоположность съ остальными жилыми помещеніями главнаго двора, не задѣланы рѣшетками. Выѣленные алебастромъ стѣны въ промежуткахъ между нишами раскрашены голубою краскою.

Планъ дома Магомета-Али-Хальфа.

* Отсюда произище: «Дукчи-ишань».

Все остальные жилые помещения этого двора состоят из совершенно одинаковых и во всем сходных продолговатых комнат с дверью, двумя окнами, задланными рѣшетками и заклеенными бумагой, с очагом и с непрѣлною террасою передъ входомъ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя устройство кухни. Въ передней части ея *К* находится сложенный изъ жженого кирпича и выбеленный алебастромъ четырехугольный бассейнъ *б* для мытья посуды. Во второмъ отдѣленіи *К* находится колодезь *к* и собственно кухня. Топка производилась изъ другого отдѣленія ея *Л*. Пища готовилась въ 14-ти котлахъ, изъ которыхъ 12-ть діаметромъ около двухъ аршинъ.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ изъ «чудесъ» ишана. Рассказываютъ, что нѣкоторыхъ изъ приѣзжающихъ на поклонъ къ нему туземцевъ, замѣченныхъ въ скептическомъ отношеніи къ разсказамъ о многочисленныхъ чудесахъ и дѣяніяхъ ишана, подвергли при осмотрѣ его кухни, считающейся у сартовъ своего рода чудомъ, весьма неприятной операциіи. Рассказывая о великой силѣ и святости Магомета, ихъ заставляли останавливаться у дымовыхъ

Въ женскомъ отдѣленіи нѣтъ особой комнаты *Х*, представляющая женскую купальню. Здѣсь стояла круглая деревянная ванна, вода въ нее подавалась по жолобу, проведенному изъ кухни, гдѣ, какъ сказано выше, былъ колодезь.

Изъ главнаго двора ведетъ темный ходъ на обширный черныи дворъ, въ которомъ помѣщались мастерскія: плотничьи, столярныя, токарныя, кузничьи и т. п.

Въ этомъ же дворѣ находились конюшни, въ стойлахъ которыхъ могло размѣститься около 400 лошадей.

Когда ишлакъ Таджикъ былъ занятъ ротой 2-го туркестанскаго линейнаго баталіона, высланной распоряженіемъ устраненнаго отъ должности по Высочайшему повелѣнію бывшаго военного губернатора Ферганской области генералъ-лейтенанта Пovalo-Швейковскаго, оставшіеся въ имѣніи ишана туземцы, а также населеніе Ишанъ-чека разбѣжалось, будучи, повидимому, предувѣдомлено о приходѣ русскихъ солдатъ за нѣсколько лишь часовъ до занятія селенія (часть туземцевъ, впрочемъ, была уже арестована администраціей): на кухнѣ лежала только-что вымытая группа и шашинко-

Видъ дома, въ которомъ жилъ Магометъ-Али-Хальфа. По фот. грав. Шюблеръ.

отверстій. Во время бесѣды, изъ послѣднихъ съ страшнымъ шумомъ и свистомъ вырывался вмѣстѣ съ дымомъ громадные красные языки пламени и приводили скептиковъ въ немалый испугъ: при этомъ дѣло не всегда обходилось благополучно: огонь иногда обжигалъ лицо, опаливалъ бороды и портилъ шелковые халаты богатыхъ гостей. — и невѣрующіе и сомнѣвающіеся приходили въ большое смущеніе. Явленіе это вызывалось по желанію, искусственно, но секретъ его не заключается въ лакомъ-либо *особомъ* устройствѣ печей, а обуславливалось оно топкою ватнымъ сѣменемъ.

Само собою разумѣется, что все разсказы объ этихъ чудесахъ ходили въ темной массѣ невѣжественнаго народа въ сильно преувеличенномъ видѣ, такъ какъ очевидно ихъ сами находились подъ вліяніемъ собственнаго религіознаго суевѣрія и невѣжества.

Черезъ кладовыя ведетъ ходъ въ такъ-называемый «Розовый дворъ», женское отдѣленіе, непосредственно примыкающее къ задней стѣнѣ мечети. Названіе «Розовый дворъ» дано было уже впоследствии русскими, между прочимъ, потому, что въ немъ разбитъ правильный углубленный четырехугольный, стороны котораго обнесены низкимъ барьеромъ изъ жженого кирпича, съ кустами дикой розы. Мѣсто это предназначалось, по всей вѣроятности, для будущаго ивѣтника. Въ этомъ дворѣ жили четыре жены ишана: пятая, будучи таковой юридически, не могла сдѣлаться ею фактически, вслѣдствіе послѣдшаго выступленія Магомета подъ гор. Анджаанъ, очевидно, вызваннаго донесеніями кому слѣдуетъ о его митенческихъ намѣреніяхъ.

ванная морковь для илова: во многихъ помѣщеніяхъ дымились очаги, въ кунганахъ стоялъ неостывшій еще чай и т. д. Въ кладовыхъ и жилыхъ комнатахъ оказалась масса всевозможнаго добра: котлы для варки плова, мѣдный самоваръ въ 50 ведеръ, нѣсколько мѣдныхъ же кубовъ, изъ которыхъ одинъ, объемомъ въ 200 ведеръ, служилъ для нагрѣванія воды для омовеній; множество мѣдной и фарфоровой посуды: самоваровъ, кунгановъ (туземныхъ чайниковъ), умывальныхъ тазовъ, подносовъ, фарфоровыхъ чайниковъ русской фабрикаціи и пр. и пр.: изъ мягкихъ вещей была найдена масса ковровъ, кошмъ, ватныхъ одеялъ и др. постельныхъ принадлежностей съ вещами домашняго обихода и комфорта. Однимъ словомъ, здѣсь было все, что необходимо было для существованія огромной шайки.

Такъ какъ у минъ-тюбинскаго ишана были свои мастера и мастерскія, то въ помѣщеніяхъ для послѣднихъ нашли множество предназначавшихся для продажи издѣлій изъ дерева: дѣтскихъ сартовскихъ колыбелей-началокъ, хлопчатобумажныхъ перетень и т. п. Слѣдовъ сколько-нибудь значительнаго склада оружія не оказалось: въ описи значится всего лишь нѣсколько копій.

Какъ велики были денежные ресурсы ишана, какимъ путемъ добывались имъ деньги и гдѣ онъ теперь. — говорить еще рано; несомнѣнно только, что собранныя имъ денежные средства были довольно солидны. Съ увѣренностью можно сказать, что все состоятельные туземцы Ферганы добровольно или вынужденно вложили послѣднюю ленту въ дѣло безумнаго газавата (войны съ невѣрными), и между ними не мало богатѣй, обладающихъ миллионнымъ состояніемъ.

НИВА

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1876

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТЕРБУРГЪ

П. П. МАРКСОМЪ

КРЕЙЕРМАНЪ.

П. МАРКОВ.

На Большой Морской
и углу Невского просп.
д. Росмана, № 9.

пѣшняго года) она уже дала вполне удовлетворительные результаты. Два большихъ желѣзныхъ приемника, находящихся на правой сторонѣ картинки, содержатъ въ себѣ сгущенный воздухъ, находящіеся же на лѣвой — разрѣженный. Служба при полученіи и отправкѣ посылокъ исполняется обыкновенно женщинами. На картинкѣ изображено, какъ отправщица кладетъ цилиндръ, наполненный письмами и посылками въ трубу, верхняя половина которой открыта. Вслѣдъ за цилиндромъ вкладывается плотно прилегающій къ стѣнамъ трубы кружокъ и затѣмъ труба закрывается герметически. Съ помощью приемни-

ковъ, изображенныхъ на лѣвой сторонѣ картинны, воздухъ въ трубахъ, по которымъ долженъ идти цилиндръ разрѣжается; затѣмъ трубы приводятся въ соединеніе съ приемниками, содержащими сгущенный воздухъ. Послѣдній неудержимо устремляется въ трубы и гонитъ цилиндръ съ невѣроятной быстротой къ назначенной цѣли. Станція, на которую долженъ идти цилиндръ, уже заранѣе увѣдомлена по телеграфу и тамъ вынимаютъ его съ помощью особаго аппарата. Тѣмъ же путемъ цилиндръ возвращается обратно. Воздушной почтѣ по всей вѣроятности предстоитъ великая будущность.

САМАРКАНДСКІЕ НИЩЕ.

Чѣмъ менѣе развитъ народъ, чѣмъ ниже стоитъ уровень его цивилизаціи,—тѣмъ замѣтнѣе его общественные недуги, между которыми нищенство занимаетъ безспорно первенствующее мѣсто.

Нельзя сказать, чтобы цивилизація истребляла съ корнемъ это зло;—часто мы видимъ поразительную нищету рядомъ съ роскошью и комфортомъ цивилизованной жизни,—какъ на примѣръ подобнаго сопоставленія мы можемъ указать на Англію. Но въ цивилизованныхъ государствахъ, не добившись уничтоженія зла, умѣютъ, по крайней мѣрѣ, скрывать его, тщательно прятать отъ глазъ наблюдателя, некрасивыя на видъ, оскорбляющія глазъ, его проявленія. У народа полудикаго, варварскаго, не заботятся объ этомъ, и зло является наружу во всей своей непривлекательной наготѣ, занимаетъ виднѣйшія мѣста въ общей картинѣ общежитія, часто заслоняя собою болѣе отрадные явленія.

Трудно отдать преимущество первому ли способу — скрывать, или беззащитности втораго, да это и не составляетъ предмета нашего короткаго очерка, а потому переходимъ прямо къ рисунку нашего извѣстнаго художника, такъ ярко и вѣрно перенесшаго на полотно и бумагу картины почти неизвѣстной жизни—варварскаго востока, центральныхъ пунктовъ Средней Азіи.

Здѣсь нищенство не носить на себѣ вовсе клейма порока—оно даже получаетъ какъ бы въ религиозный характеръ, освящается и обычаемъ, и вѣрованіями невѣжественныхъ массъ, и является среди этихъ массъ первенствующимъ, учащимъ, проповѣдующимъ, пользуясь привилегіями святости, составляющими часто даже предметъ зависти болѣе обезпеченныхъ классовъ.

Многочисленные шайки юродствующихъ, такъ называемыхъ „дивона“ — развѣ это не тѣже отвыкшіе отъ труда, излѣнившіеся бродяги, покрытые пестрымъ рубищемъ, забравшіе въ свои руки право публичной проповѣди, право, которымъ они пользуются исключительно какъ средствомъ добыванія легкаго хлѣба?.. Эти шайки имѣютъ свою организацію, раздѣляются на группы, на ордена, во имя того или другаго святаго, и, если самая ихъ бродячая жизнь и неизбѣжная съ нею лишенія и болѣзни выхватываютъ жертвы изъ ихъ рядовъ, то на подобныя мѣста легко отыскиваются новые члены тунейдныхъ корпорацій и не даютъ уменьшаться нищенствующимъ легіонамъ, наводняющимъ всѣ людныя мѣста, площади передъ мечетями, базарные пункты, навѣсы городскихъ рынковъ и бойкіе перекрестки проѣздныхъ дорогъ.

Всякій раззорившійся, всякій пострадавшій отъ какаго нибудь частнаго или общественнаго бѣдствія, не думаетъ прежде всего поправиться, собраться съ силами и занять свое прежнее положеніе... Нѣтъ... „Такъ угодно было Аллаху,—такова его святая воля“, рѣшается обезкураженный, слабохарактерный фанатикъ—и

спокойно идетъ нищенствовать, не боясь, что его встрѣтитъ позоръ и униженіе.

Постоянные войны, которые велись за послѣднее время въ Средней Азіи, почти непрерывно смѣняя одна другую, не мало тоже способствовали развитію здѣсь нищенства,—особенно въ Самаркандѣ, въ этомъ ультра-азиатскомъ городѣ, въ этомъ папскомъ Римѣ мусульманскаго міра... и не мудрено, что это явленіе настолько поразило нашего художника, настолько остановило на себѣ его вниманіе, что онъ посвятилъ ему такую значительную часть своего труда, давъ намъ цѣлый рядъ вѣрныхъ, художественныхъ этюдовъ, снимокъ одного изъ которыхъ мы и предлагаемъ читателямъ на страницахъ нашего журнала.

Жаркое полуденное солнце накаливаетъ высокую глиняную стѣну, вдоль которой тянется проѣздная бухарская дорога... У этой стѣны, плотно прижавшись къ ней спинами, неподвижно стоятъ живые существа, покрытые грязью и пылью, обвѣшанные вмѣсто одежды грязными лохмотьями, кишачими паразитами,—лохмотьями, утратившими послѣдніе признаки какаго-нибудь покрова... Съ перваго взгляда и не разберешь, въ чемъ одѣты эти жалкія существа...

Помутившійся взглядъ безжизненно, вяло устремляется на дорогу; сухія, поблекшія губы машинально, безсознательно бормочатъ изрѣченія корана, призывъ къ подаенію...

Вы ѣдете мимо—не успѣваютъ въ вашихъ ушахъ замереть послѣднія ноты этого призыва, какъ вотъ уже раздаются новые, тождественные звуки—и долго, долго преслѣдуютъ васъ эти завыванія, пока вы не минуете бойкаго мѣста и не выѣдете на безлюдный просторъ примыкающей къ городу пустыни. Да и тамъ часто вы не найдете себѣ покоя: какъ изъ-подъ земли, чуть ли не изъ-подъ ногъ вашего коня выползаетъ отрепанное, грязное, заражающее воздухъ существо и гнусливымъ голосомъ начинаетъ пѣть все одну и ту же, безконечную, во вѣки вѣковъ неизмѣнную, монотонную пѣсню...

Это тѣ, которые боятся конкурентовъ по ремеслу, они предпочитаютъ степное безлюдье населеннымъ мѣстамъ, роютъ себѣ близъ дороги крохотныя землянки—и выползаютъ изъ своихъ норъ, едва только слышатъ топотъ приближающагося коня, или визгливый скръшь тяжело нагруженной арбы.

Будемъ ждать и надѣяться, что рано или поздно благотворная цивилизація проникнетъ и сюда, въ эти варварскія захолустья и уничтожитъ заразительное зло,—если цивилизація эта, дѣйствительно, сумѣетъ его уничтожить. Вѣрнѣе, что она прикроетъ его только красивою занавѣскою, спрячетъ отъ глазъ наблюдателя, какъ сдѣлала она въ нашихъ европейскихъ, развитыхъ, благоустроенныхъ государствахъ.

Н. Карзинъ.

НА ДНѢ РЪКИ.

Беззвучно и знойно дышетъ лѣтній полдень. Едва плещутся рѣчныя волны, ясно отражая въ себѣ голубое небо съ лѣниво ползущими по нему ярко бѣлыми

облаками. Такъ и хочется броситься въ эти тихія, прозрачныя воды и освѣжиться отъ мучительнаго зноя...

Быстро летитъ наша лодка подъ дружнымъ напоромъ

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 10

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

Выдаѣтъ 8 Марта 1876 г.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ . . . . . 4 р.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ нижній магазинъ
И. Гр. Соловьева, А. Лавъ и А. Живарева . . . . . 4 р. 50 к.
IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и
мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія №№ въ 1876 году.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за МАРТЪ съ 33 рисунками и большой листъ выкроекъ съ чертежомъ.

АБДУРАХМАНЪ-АВТОБАЧИ.

Въ продолженіе почти всей своей политической жизни, Коканское ханство страдало отъ внутреннихъ междоусобицъ, раздоровъ и борьбы партій. Населеніе страны рѣзко раздѣлилось на двѣ группы: осѣдную, которую составляли преимущественно сарты и узбеки, жители городовъ и селеній, и кочевую—каракиргизы и китай-кипчаки. Первые были строители этихъ городовъ и селеній; они занимались и занимаются теперь торговлею, земледѣіемъ и мануфактурною промышленностью; они составляютъ, такъ сказать, производительный элементъ ханства. Вторые кочевники или полукочевники—обитатели горъ и прилежащихъ степныхъ пространствъ, главный промыселъ которыхъ, кромѣ довольно ограниченного, впрочемъ, скотоводства, особенно въ горахъ, составляли разбой и хищническіе набеги на сосѣдей, часто даже на мирныхъ подданныхъ одного и того же хана. Каракиргизы и китай-кипчаки служили своему хану преимущественно оружіемъ, составляя исключительно

Абдурахманъ-автобачи, представитель «Гававата» въ Коканѣ, глава кипчаковъ сдѣвавшийся генералу Скобелеву. Рисов. и грав. А. Нейманъ.

военный элементъ ханства. Они, несмотря на свою относительную малочисленность, часто оказывались сильнѣе осѣдыхъ, и ихъ партія брала перевѣсъ въ управленіи дѣлами ханства; само собою, что минуты подобнаго перевѣса не могли не отражаться вредно на дѣлахъ осѣдыхъ народовъ и вызывали противодѣйствіе стороны этихъ послѣднихъ, которое и выражалось постоянною глухою и упорною борьбою партій, часто разгоравшейся до кровавыхъ проявленій.

Всѣ ханы коканскіе были постоянно подъ гнетомъ этой борьбы; стоя между двухъ огней, они часто становились игрушкою въ рукахъ главнѣйшихъ вожаковъ, то открывая воинственный походъ на кочевниковъ, то обрушиваясь всѣмъ гнетомъ своей деспотической власти на несчастныхъ жителей городовъ и селеній. Коканскій престолъ былъ одинъ изъ самыхъ непрочныхъ средне-азиатскихъ престоловъ и часто переходилъ изъ рукъ въ руки.

Худояръ - ханъ, послѣдній шахъ коканскій, три раза терялъ и при-

обрѣталъ свой престолъ (послѣдній переворотъ случился даже очень недавно, въ 1875 году, а съ тѣхъ поръ до начала истекшаго лѣта онъ уже царствовалъ довольно прочно — и то благодаря близкому сосѣдству съ нашими владѣніями, и страху нашего вмѣшательства въ дѣла ханства).

Своимъ царствованіемъ Худояръ-ханъ былъ обязанъ кочевой партіи. Мусульманъ-кулъ, глава кипчаковъ, овладѣвшій властью, возвелъ на престолъ юнаго Худояръ-хана и сдѣлался его руководителемъ и попечителемъ; партія осѣдлыхъ, хотя и побѣжденная, однако, не дремала — нашлись люди, которые сумѣли повліять на молодого хана и возбудить его подозрительность къ попечителю. Мусульманъ-кулъ во время замѣтилъ охлажденіе къ нему хана и, боясь скрытнаго убійства, весьма обыкновеннаго въ такихъ случаяхъ, ушелъ къ кочевникамъ и поднялъ ихъ на новую борьбу. Началась ожесточенная война, и на этотъ разъ побѣда досталась въ руки осѣдлыхъ; разбитые на всѣхъ пунктахъ кара-киргизы и китай-кипчаки, подъ вліяніемъ ужаса, рѣшились выдать хану Мусульманъ-кула, своего престарѣлаго главу и прочихъ главнѣйшихъ сподвижниковъ.

На площади передъ коканскимъ дворцомъ разыгралась страшная кровавая драма — начался рядъ казней, ужаснувшихъ даже привыкшихъ къ кровопролитію азіатовъ. Юный ханъ безпощадно поступилъ съ своими побѣжденными врагами. Шестистамъ главнѣйшимъ китай-кипчакамъ были отрублены головы. Связаннаго по рукамъ и ногамъ Мусульманъ-кула ежедневно выводили на мѣсто казни и при немъ совершалась эта рѣзня человеческихъ головъ... Говорятъ, будто несчастный старикъ молилъ хана покончить съ нимъ и прекратить эту пытку... «Я исполню твою просьбу», хладнокровно отвѣчалъ на эти мольбы Худояръ ханъ и дѣйствительно исполнилъ. Голова Мусульманъ-кула пала послѣднею.

Въ числѣ друзей и приближенныхъ хана находился въ то время молодой человекъ, сверстникъ по лѣтамъ Худояру — Абдурахманъ. Этотъ Абдурахманъ былъ сынъ казеннаго Мусульманъ-кула. Онъ, стоя рядомъ съ ханомъ, присутствовалъ при этихъ ужасныхъ казняхъ; онъ видѣлъ, какъ одна за другою падали головы его друзей и родичей; онъ видѣлъ и смерть своего отца и, несмотря на это, сохранилъ и дружбу, и привязанность къ своему повелителю. Въ свою очередь, и Худояръ такою же дружбою платилъ Абдурахману и даже женился на его сестрѣ.

Скрывалъ-ли Абдурахманъ свои настоящіе чувства къ хану, дѣйствительно ли эта дружба была искренна — неизвѣстно, но только до 1872 года она не омрачалась ничѣмъ. Въ этомъ году Абдурахманъ, уже возведенный въ санъ автобачи (крупная придворная должность), въ первый разъ выказала ослушаніе своему повелителю, уѣхавъ безъ его дозволенія въ Мекку, на поклоненіе гробу пророка.

Надо думать, что въ это время уже созрѣвалъ новый заговоръ кочевниковъ противъ хана и въ числѣ заговорщиковъ находился нѣкій Мулла-Исса-Аулье, хитрый и умный человекъ, честолюбивый и корыстный, успѣвшій незамѣтно подготовить возстаніе. Подъ вліяніе этого-то человека и подпалъ Абдурахманъ.

Осѣдлые предупреждали Худояръ-хана, они указывали ему даже на главнѣйшихъ дѣятелей этого заговора, но, не смотря на это, Мулла-Исса-Аулье сумѣлъ усыпить ханскую подозрительность и довести свое дѣло до полного развитія.

Возстаніе вспыхнуло лѣтомъ 1875 года, въ іюль мѣсяцѣ. Абдурахманъ-автобачи, Мулла-Исса-Аулье и еще нѣкто Хааликъ-Казаръ стали открыто въ главѣ мятежа.

Уже поѣздка Абдурахмана въ Мекку была задумана съ этою цѣлью; тамъ, на гробѣ пророка, автобачи испросилъ благословеніе на свой подвигъ и былъ даже снабженъ доскутомъ отъ знамени Магомета, — съ тѣмъ чтобы, вдохновивъ народъ этою реликвіею, Абдурахманъ поднялъ его не только противъ хана, дружившаго съ нами, русскими, но вообще противъ невѣрныхъ, т. е. насъ же.

Объявленъ былъ газать или «газавать» — священная война, и этотъ кличъ собралъ подъ знамя Абдурахмана-автобачи значительныя скопища кочевниковъ и разнаго сброда, стекавшагося со всѣхъ сторонъ, даже изъ сосѣдняго Кангарскаго ханства.

Оставленный всѣми, оставленный даже войсками, измѣннически перешедшими на сторону непріятеля, ханъ едва успѣлъ, съ горстью приверженцевъ, отступить къ нашей границѣ. Въ этомъ отступленіи ему помогъ, главнѣйшимъ образомъ, крошечный отрядъ русскихъ казаковъ, случайно находившійся въ то время съ посольствомъ въ Коканѣ. Нашъ посоль, полковникъ Скобелевъ, принялъ начальство надъ горсткою ханскихъ слугъ и своимъ отрядомъ и успѣлъ прикрыть какъ беззащитнаго хана, такъ и его семейство.

Въ то же время громадныя массы непріятеля появились на нашихъ границахъ и вторглись въ Ходжентскій, Кураминскій и Аультинскій уѣзды. Война, значитъ, была начата, и наши войска, быстро собравшись, двинулись въ походъ.

Извѣстны результаты этого блистательнаго, кратковременнаго похода. Сосредоточенныя силы Абдурахмана-автобачи были разбиты наголову подъ Махрамомъ; одинъ за другимъ сдавались намъ города и, наконецъ, сдался и самъ Коканъ на великодушіе побѣдителей.

Абдурахманъ, съ остатками ему вѣрныхъ, бѣжалъ къ Ушу, но и тамъ былъ настигнутъ и разбитъ. Самъ онъ спасся отъ плѣна, а Хааликъ-Казаръ и Мулла-Исса-Аулье явились съ повинною къ нашему генералъ-губернатору.

Несостоятельность Худояръ-хана настолько выяснилась, что уже рискованно было вновь возвести его на утраченный престолъ и престолъ этотъ былъ отданъ нами сыну его Насръ-Эддинъ хану, еще очень молодому человеку. Хааликъ-Казаръ, простоватый и недалекій, оставленъ былъ на покоѣ, а Мулла-Исса-Аулье высланъ изъ ханства въ Оренбургъ, гдѣ и содержится подъ строгимъ арестомъ.

Казалось, дѣла ханства были окончательно устроены. Распорядившись такимъ образомъ съ престоломъ и судьбою Кокана, наши войска выступили обратно на свои постоянныя квартиры.

Между тѣмъ Абдурахманъ-автобачи не дремалъ: онъ успѣлъ снова собрать своихъ разбитыхъ и разрозненныхъ приверженцевъ и даже приобрѣсть новыхъ. Его обаяніе на массы было настолько велико, что, не смотря на свѣжее впечатлѣніе недавнихъ поражений, кипчаки и кара-киргизы снова попытались объявить войну русскимъ и, собравшись въ числѣ до пятидесяти тысячъ, ринулись на Коканъ. Насръ-Эддинъ-ханъ бѣжалъ по примѣру отца. На его мѣсто посаженъ былъ нѣкто Фудатъ-бекъ, личность безцвѣтная — простой разбойникъ, названный ханомъ только потому, что во всякое время готовъ былъ повиноваться Абдурахману и уступать ему свое мѣсто по первому намеку.

Снова многочисленныя скопища подступили къ нашимъ границамъ; снова наши войска принуждены были начать наступательныя дѣйствія. Предпримчивый и энергичный генералъ, тотъ самый бывшій полковникъ Скобелевъ, свершившій свое лихое отступленіе изъ Кокана съ 20-ю казаками, повелъ дѣло быстро и рѣшительно.

Снова взяты были разъ уже взятые и отданные обратно города; летучіе отряды нашихъ казаковъ и стрѣлковъ, посаженныхъ на лошадей, появляясь неожиданно то тамъ, то сямъ, въ пунктахъ, гдѣ ихъ вовсе не ожидали, усили такъ стиснуть непріятеля и сбить его съ толку, что Абдурахманъ-автобачи окончательно потерялъ голову. Онъ увидалъ наконецъ, что дѣло его проиграно, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, сдался генералу Скобелеву, и скоро Петербургъ увидитъ у себя этого отважнаго и пылаго проповѣдника Газавата, главу скопища возставшихъ противъ насъ, объявившихъ намъ русскимъ, непримиримую священную войну.

Н. К.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА

ПОВѢСТЬ

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ и слѣдующія главы будутъ переводиться съ рукописи и появляться одновременно съ оригиналомъ.

(Продолженіе).

Болѣе ничего не доставало въ невыразимо-уютной комнатѣ. Докторъ, который долженъ былъ воротиться съ вечернимъ поѣздомъ, не имѣлъ никакого предчувствія, что не найдетъ уже болѣе тетку въ городѣ. Она хотѣла избавить его отъ хлопотъ переѣзда, и коммерціи совѣтникъ, какъ она съ благодарностью сказала, былъ настолько предупредителенъ, что передалъ ей для этой цѣли домъ немедленно.

Генриетта распахнула двери и, судорожно прижавъ къ груди сложенные руки, съ жадностію вдыхала свѣжій воздухъ; однако, она скоро почувствовала припадокъ удушья, и силы начали ей измѣняться. Кэта и коммерціи совѣтникъ успѣли поддержать больную; Флора тоже поднялась и съ досадой бросила папиросу въ пепельницу.

— Безвредное облачко дыма обвинять теперь въ

КОКОРЕВСКАЯ МЕЛЬНИЦА.

В виду разсмотрѣнія вновь дѣла *Овсянникова* въ Сенатѣ по кассационной жалобѣ, представленной его повѣренными г. Потѣхными, (дѣло разсматривалось 24 марта), мы напомнимъ нашимъ читателямъ обстоятельства дѣла. На прилагаемомъ рисункѣ изображена мельница, пожаръ которой послужилъ началомъ дѣла. Свидѣніе о разсмотрѣніи дѣла *Овсянникова* въ Сенатѣ мы представимъ своевременно. Предположеніе правительства объ устройствѣ паровой мельницы впервые осуществлено было Фейгинымъ. Мельница была устроена со всевозможными усовершенствованіями на европейскій образецъ, съ возможной роскошью въ техническомъ отношеніи. Тогда еще въ фундаментъ этой на европейскій образецъ устроенной мельницы вложилъ свой собственный, весьма солидный камень извѣстный хлѣбный торговецъ *Овсянниковъ*. Онъ внесъ за Фейгина 500.000 р. залога и поддерживалъ Фейгина кредитомъ въ хлѣбномъ товарѣ на весьма значительную сумму. Въ 1867 г. положено уже было основаніе дѣлу по устройству паровой мельницы; въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ заключенъ контрактъ Фейгина съ казною. Въ 1871 году мельница была окончательно устроена. Уже въ 1869 г. мельница была заложена въ 300 т. р., въ 1872 г. она была перезаложена Кокореву въ суммѣ 700 т. р.

Отопленіе паромъ и освѣщеніе газомъ прекращено было на мельницѣ за двое сутокъ до пожара. За двое сутокъ прекращена была на мельницѣ работа по размолу зерна. Допустить предположеніе, что пожаръ на мельницѣ произошелъ отъ тренія осей въ мельничныхъ барабанахъ—невозможно. Работы были прекращены за двое сутокъ до пожара; наканунѣ пожара на мельницѣ были только рабочіе, которые очищали помѣщеніе отъ мучной пыли. Въ 4 часа рабочіе ушли съ мельницы; въ 6 или 7 часовъ мельница была осматрѣна прикащиками, а пожаръ начался въ пятомъ часу утра.

Если обойти зданіе мельницы, то покажется съ перваго взгляда, что огонь дѣйствительно вышелъ какъ-бы изъ земли дѣлою массою и пожралъ всю внутренность мельницы, не встрѣчая никакихъ препятствій, а огромное число оконныхъ и дверныхъ пролетовъ, какъ-бы свидѣтельствуетъ, что огонь и не могъ встрѣчать никакихъ препятствій. Если присмотрѣться ближе къ слѣдамъ разрушенія въ зданіи мельницы, то оказывается, что мѣстами уцѣлѣло дерево, мѣстами обгорѣлъ чугунъ. Наличие уцѣлѣвшаго дерева свидѣтельствуетъ неслучайно о томъ, что тамъ, гдѣ оно уцѣлѣло, огня не было. Обгорѣвшій же чугунъ свидѣтельствуетъ намъ, что тамъ, гдѣ онъ горѣлъ, огонь былъ весьма силенъ. Попытка, отыскать гдѣ именно, въ какой точкѣ начался огонь,—установить до нѣкоторой степени направленіе огня, попытка весьма естественная, потому что вообще человекъ очень мало расположенъ вѣрить чудесному—представляется осуществимой. Если затѣмъ обратимъ вниманіе на тѣ слѣды разрушенія, которые носятъ на себѣ кирпичныя стѣны, то убѣдимся, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кирпичъ остекловился, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ онъ носитъ на себѣ только слѣды коночи. Эти слѣды разрушенія приводятъ къ тому заключенію, что тамъ, гдѣ слѣды сильнѣе, былъ и огонь продолжительнѣе, тамъ, слѣдовательно, надо искать и начало пожара. По модели, которая стоитъ передъ вами, оказы-

вается, что слѣды остекловившагося кирпича наиболѣе замѣтны на стѣнѣ зерносушильни, въ началѣ подземнаго канала въ вѣялочномъ отдѣленіи. Откуда бы не начался пожаръ, изъ дымогарной трубы или изъ вѣялочнаго отдѣленія, не представляется никакой возможности соединить два совершенно противоположныхъ пункта, въ которыхъ огонь первоначально появился: зерносушилку и въ подвалъ магазиннаго отдѣленія. Капитальная стѣна, раздѣляющая магазинное отдѣленіе отъ зерносушилки, не имѣетъ въ подвальномъ этажѣ никакихъ пролетовъ, огонь могъ пройти изъ зерносушилки въ магазинное отдѣленіе развѣ только подъ лѣстницею. Но подъ лѣстницею находятся деревянныя двери и эти двери уцѣлѣли. По слѣдамъ коночи, которые отмѣнены на модели, видно, что огонь тянуло въ зерносушилку. Близъ этой лѣстницы въ зерносушилкѣ сохранились деревянныя балки, изъ чего слѣдуетъ заключить, что огонь не могъ сообщиться изъ сушильни въ подвальное отдѣленіе изъ подъ лѣстницы. Профессоръ Бугеровъ показалъ, что мука ни тлѣть ни горѣть не можетъ, что пыль отъ мучной трухи способна вспыхивать, когда она насыщается воздухомъ, когда она равномерно смѣшивается съ воздухомъ.

Остается еще одно сообщеніе, которое не связываетъ однако непосредственно зерносушилку съ магазиннымъ отдѣленіемъ: это подвалъ магазиннаго отдѣленія подъ подмостомъ къ вѣялочной трубѣ. Тамъ видно, что, отвлекаясь отъ основанія трубы, огонь шелъ подваломъ и истребилъ первую дверь, вторая уцѣлѣла и виситъ на себѣ только слѣды коночи. Далѣе, въ срединѣ подвала какой-то желѣзный приводъ, конструкціи не легко воспринимающей огонь. Къ отдушникѣ въ стѣнѣ магазиннаго отдѣленія замѣтны слѣды коночи, слѣды дыма, но не огня, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы огонь отдушники прошелъ въ подвалъ магазиннаго отдѣленія, тѣмъ болѣе нѣтъ основанія, что огонь въ подвалѣ къ отдушникѣ былъ второстепенный, былъ отвлеченіемъ отъ огня въ вѣялочной трубѣ. Огонь въ подвальномъ отдѣленіи магазина найденъ пожарною командою совершенно въ противоположномъ концѣ отъ этой отдушники и невозможно допустить, чтобы онъ прошелъ сюда какимъ-то зигзагомъ. Быть можетъ, огонь могъ распространиться съ того помоста отъ вѣялочной трубы первымъ этажемъ. Вырытыя изъ муки балки, обгорѣвшія снизу и сверху, остались совершенно цѣлы на протяжении, соответствующемъ первому этажу. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что въ первомъ этажѣ огня не было; балки, лежавшія двѣ недѣли въ горѣвшей мукѣ, сохранились неприкосновенными. Брандъ-маіоръ заявилъ, что въ то время, когда вѣялочная труба горѣла, онъ прошелъ по подвальному помосту мимо трубы, слитной массы огня, которая соединяла бы вѣялочную трубу съ первымъ этажемъ магазиннаго отдѣленія, вовсе не было. Чѣмъ выше говоримъ, тѣмъ труднѣе допустить соединеніе огня отъ вѣялочной трубы съ огнемъ въ подвалѣ магазиннаго отдѣленія, потому что приходилось бы допустить, что воспламенившаяся пыль рикошетомъ передавала огонь сверху внизъ, что пыль эта имѣла какъ бы свойства телеграфическаго аппарата. Въ вѣялочномъ отдѣленіи вверху обгорѣли чугунныя стойки, между тѣмъ, какъ въ матеріальной кладовой сохранилось внизу дерево.

НОВЫЯ ВЛАДѢНІЯ РОССИИ

„Ферганская область“ бывшее Коканское ханство.

Военныя событія, разгорѣвшіяся на границахъ нашихъ съ коканскимъ ханствомъ, по поводу извѣстнаго возстанія каракоргановъ и китай-кипчаковъ противъ Худояръ-хана, въ началѣ минувшаго лѣта, вызвали наше вооруженное вмѣшательство. Возстаніе неограничилось сверженіемъ хана съ его престола, глава ихъ Абдурахманъ-автобачи, расширилъ свой первоначальный планъ и довелъ его до газата, т. е. до священной войны противъ невѣрныхъ. Его полчища вторглись въ наши предѣлы и, вызванные къ бою, мы принуждены были занять нашими войсками безпокойное ханство...

Первыя попытки наши—держаться въ предѣлахъ посредничества и покровительства законному хану—не удалась. А между тѣмъ конца безпорядкамъ не предвидѣлось... Эти безпорядки, отражавшіеся вредно и на нашихъ мѣстностяхъ, могли только подорвать нашъ кредитъ, уменьшить грозный авторитетъ нашей силы. Надо было нанести ударъ могучій и рѣшительный и благодѣтельныя послѣдствія этого удара не замѣдлили-бы выказаться. Личные интересы Худояръ-хана и его династїи, насколько для насъ неинтересныя, должны были быть принесены въ жертву общему дѣлу, и присоединеніе Коканскаго ханства къ Россіи состоялось.

Переименованное въ скромное имя Ферганской области, ханство это вошло въ наши предѣлы и весьма удобно округлило нашу, почти черезполосную, восточно-туркестанскую границу.

Все это даетъ намъ право думать, что для читателя не бу-

детъ безынтересно узнать, что это за Ферганская область, небольшой гористый клочекъ, значущійся на картѣ, стоявшій намъ и нѣкоторыхъ жертвъ и весьма почтенныхъ, продолжительныхъ усилій.

Когда вы взглянете на карту, вы увидите небольшой овалъ, верстъ триста въ длину и около полутора сотъ въ ширину, рѣзко раздѣленной на двѣ части; одну часть нѣсколько большую, южную занимаютъ силовныя горныя хребты отроги и раздѣленія главной группы Тянь-Шаня,—другая часть представляетъ собою низменную равнину, изрѣзанную рѣками, испещренную городами и селеніями. На этой мѣстности, незначительной по своимъ скромнымъ размѣрамъ, скучилось до трехъ миліоновъ населенія, почтенная цифра, краснорѣчиво говорящая за климатическія и экономическія удобства края... Большинство этого населенія составляютъ производительныя силы, осѣдлые узбеки и сарты, жители городовъ и земледѣльцы, меньшинство кочевые горцы, кара-киргизы и китай-кипчаки, бывшіе вѣчными гнетомъ для осѣдлыхъ, вѣчною причиною раздоровъ и междоусобицъ, раздиравшихъ хронически несчастное ханство. Сила этихъ хищныхъ и безпокойныхъ подданныхъ Худояръ-хана, страхъ, который они наводили на горожанъ и земледѣльцевъ, теперь парализованы. Съ прибытіемъ нашихъ солдатъ, съ постройкою, гдѣ слѣдуетъ, грозныхъ укрѣпленій, водворился порядокъ въ горахъ, наложена прочная узда для самыхъ необузданныхъ.

Что же касается до осёдлага населения то, его национальная гордость не была слишком уязвлена приходом завоевателей. Узбеки и Сарыт весьма сочувственно отнеслись к нашему приходу и акт присоединения встретили не без удовольствия. Ропот и озлобленный протест слышался только со стороны фанатического духовенства, боявшегося за неприкосновенность своей власти и силы; ропот этот — старая пѣсня, давно уже слышанная нами и прежде — и в Ташкентѣ, и в Самаркандѣ и на обильных водах Аму-Дарьинской дельты.

Даже у самих туземцев ропот этот теперь не вызывает ничего, кроме презрительной улыбки.

Чудную картину представляет собою низменная долина Ферганской области. Прекрасная почва, орошенная множеством рѣкъ, цѣлою сетью арыковъ гонит могучую растительность. Едва только путешественникъ переправляется на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, то уже, начиная отъ Макарама, крѣпости ознаменованной двукратнымъ боемъ нашихъ войскъ съ силами Абдурахманъ-автобачи, — справа и слева онъ видитъ силовые сады и плантаціи, между которыми нестрѣбуютъ разбросанные города и селения, клочка земли нѣтъ необработаннаго, все взрыто прилежнымъ плугомъ, все раздѣлено въ правильныя грядки, все застѣно и зеленѣетъ, на всемъ лежитъ печать труда и промышленности.

Счастливая мѣстность, выдержавшая на себѣ все тяжести ударовъ и разорѣнія перелесенныхъ междоусобицъ, оправилась и развилась снова. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ мпра достаточно было, чтобы окончательно сгладить слѣды — годовой войны.

Справа, далеко за этимъ моремъ цвѣтущей земли, сипѣютъ громадные горы съ ярко-сверкающими снѣжными гребнями... Приятная прохлада вѣетъ отсюда отъ этихъ вѣчныхъ ледниковъ, умѣряетъ страшный жаръ здѣшняго солнца, благотворно вліяетъ на климатъ мѣстности, одинъ изъ здоровыхъ и лучшихъ климатовъ центральной Азіи.

Первая рѣка, встречающаяся на пути, вытекаетъ изъ ледниковъ Алтайскихъ горъ, отъ озера Яшилъ-Куль, съ бѣшенствомъ спускается съ высотъ, стремительно бѣжитъ сѣверная ущельями и вырывается на свободу, у селения Сары-Курганъ (желтая крѣпость) съ верховьевъ до сихъ поръ она носитъ название Сохъ, далѣе т. е. ниже раздѣляется на цѣлую сеть отдѣльныхъ рукавовъ, каждый рукавъ въ свою очередь кончается подобными же развѣтвленіями, образуя, не безъ помощи рукъ прилежнаго земледѣльца, цѣлую сложную систему орошенія города Кокана и его окрестностей.

Кромѣ самого Кокана, съ его слишкомъ стотысячнымъ населеніемъ, до пятидесяти отдѣльныхъ значительныхъ селеній и кишлаковъ пользуются водами этой системы.

Какъ все горныя рѣки, рѣка Сохъ и ея рукава обладаютъ свойствомъ періодическихъ повышеній и пониженій ея уровня. Лѣтомъ это особенно опугительно... Едва только солнце поднимается на полдень и начинаетъ своими лучами согрѣвать высокіе ледники, рѣка и ея рукава вздуваются, вода течетъ быстрее и выходитъ изъ береговъ. Тамъ, гдѣ ночью конный могъ проѣхать не замоча своихъ ногъ, тамъ теперь ни одинъ смѣльчакъ не рискнетъ переправиться вилавъ и терпѣливо ждетъ вечера, когда сойдетъ жаръ, снова остынетъ поверхность ледниковъ и успокоятся расхолодившіяся рѣки. Вѣроятно влѣдствіе этого явленія одинъ изъ главнѣйшихъ рукавовъ р. Соха носитъ название Каримъ-Дувана, (первое имя собственное, второе значитъ — юродивый, сумасшедшій бѣшеный).

Далѣе на востокъ отъ Кокана, продолжая путешествіе, по картѣ, по длнѣ овала, вы не болѣе какъ въ восьмидесяти верстахъ встрѣчаете слѣдующій большой городъ Маршаланъ, почти не уступающій Кокану своими размѣрами и числомъ населенія, и здѣсь вы встрѣчаете новую параллельную оросительную систему, устроенную отчасти природою отчасти руками человѣческихъ. Рѣка Исфойранъ и Шахи-Морданъ играютъ тутъ такую же роль какъ р. Соха.

Взявъ немного на сѣверо-востокъ и сдѣлавъ переходъ въ какихъ нибудь тридцать верстъ, вы снова встрѣчаете обильно населенный пунктъ — это городъ Шариханъ, а за тѣмъ богатый Андижанъ, расположенный уже вблизи рѣки Кара-Дарьи, этого колоссальнаго притока Сыра.

Немного на сѣверъ, въ роскошной долині, гдѣ сходятся рѣки Нарынъ и Кара-Дарья, образуя своимъ соединеннымъ теченіемъ колоссальную «Сыр-Дарью», раскинулся цвѣтущій Наманганъ, съ своими зубчатыми стѣнами и тѣплыми, многолюдными базарами.

Между нимъ и Андижаномъ, по обоимъ берегамъ Кара-Дарьи, буквально нѣтъ мѣста свободнаго, все занято садами и селеніями, всюду кажется самая оживленная дѣятельность.

Узкія дороги, вьющіяся между садовыхъ стѣнъ — пересѣченныя безчисленными мостиками, перекинутыми черезъ водопроводныя арыки, кишатъ проѣзжимъ людомъ. Поминутно слышится скрипъ двухколесныхъ арбъ, топотня кованыхъ колесныхъ копытъ, мягкое шлепанье тяжелыхъ верблюжьихъ ступней, крикъ и говоръ путешественниковъ и погонщиковъ. Въ базарные дни, когда въ городахъ стекается все окрестное население, буквально нѣтъ проѣзда по этимъ оживленнымъ дорогамъ.

Далѣе, поднимаясь вверхъ по Кара-Дарьѣ, вы достигаете до

города Урентъ, которому, вмѣстѣ съ его ближайшимъ соседомъ — городомъ Ушемъ, всегда выпадала незавидная доля принимать на себя первые удары воинственныхъ полукочевыхъ горцевъ. Здѣсь уже природа становится бѣднѣе, населеніе слабѣе. Мѣстность замѣтно холмится, горные отроги спускаются между притоками Иссы, Каракульджа, Желесу, Акъ-бура, — за ними видны уже ясно тяжелыя, скалистыя громады Кичи-Алая, съ его бѣдными, лѣнными обитателями, предпочитающими праздную жизнь и разбой трудолюбію низменныхъ узбековъ.

Ушь ознаменовался еще тѣмъ, что около него, подъ самыми его стѣнами — небольшая горсть русскихъ стрѣлковъ-казаковъ подъ начальствомъ генерала Скобелева. окончательно разбила на голову и разсыпала остатки арміи Абдурахманъ-Автобачи — послѣдній оплотъ этого замѣчательнаго средне-азиатскаго агитатора. Побѣда эта имѣла своимъ результатомъ сдачу самаго Абдурахмана-Автобачи и бѣгство самозваннаго хана Фулатыбека, впоследствии такъ пойманнаго и повѣшеннаго.

Вотъ краткій очеркъ долины Ферганскаго округа или области, бассейна верховьевъ Сыръ-Дарьи и ея истоковъ, намъ остается только вкратцѣ указать на то значеніе, которое имѣетъ присоединеніе къ нашимъ средне-азиатскимъ владѣніямъ этой мѣстности — тѣхъ выгодъ, которыя намъ предстоитъ извлечь изъ этого присоединенія.

Прежде всего мы вспомнимъ про ближайшую колоссальную сосѣдку Кокана, отдѣленную отъ него горами и быстро обрусѣвшимъ Семірѣчьемъ — Сибирь. Вотъ что говоритъ по этому поводу газета «Новое Время».

«Сибирь, по своему положенію и климатическимъ условіямъ, лишена всякой возможности развивать у себя культурныя произведенія южныхъ странъ. Не говоря уже о такихъ продуктахъ какъ шелкъ, хлопокъ, краски, оливковое масло и пр., необходимыхъ для питанія мануфактурной промышленности, даже предметы, такъ сказать, обыкновенныхъ потребностей, какковы: виноградныя вина, фрукты, аптекарскіе и колониальные товары, въ Сибири до сихъ поръ получаютъ изъ Москвы и Петербурга. Принимая въ расчетъ, что эти послѣдніе города получаютъ означенныя произведенія болѣею частью изъ западной Европы, не трудно понять, что при такихъ условіяхъ въ Сибири не только немислима мануфактурная промышленность, но почти невозможно пользование привычными для всякаго образованнаго человѣка удобствами цивилизованной жизни. Иначе и быть не можетъ, если вспомнить, что отъ Томска, центра Сибири, до Петербурга 4 тысячъ верстъ. Железная дорога вполнѣдствіи можетъ облегчить это пространство и удешевить привозъ, но она не сократитъ разстоянія.

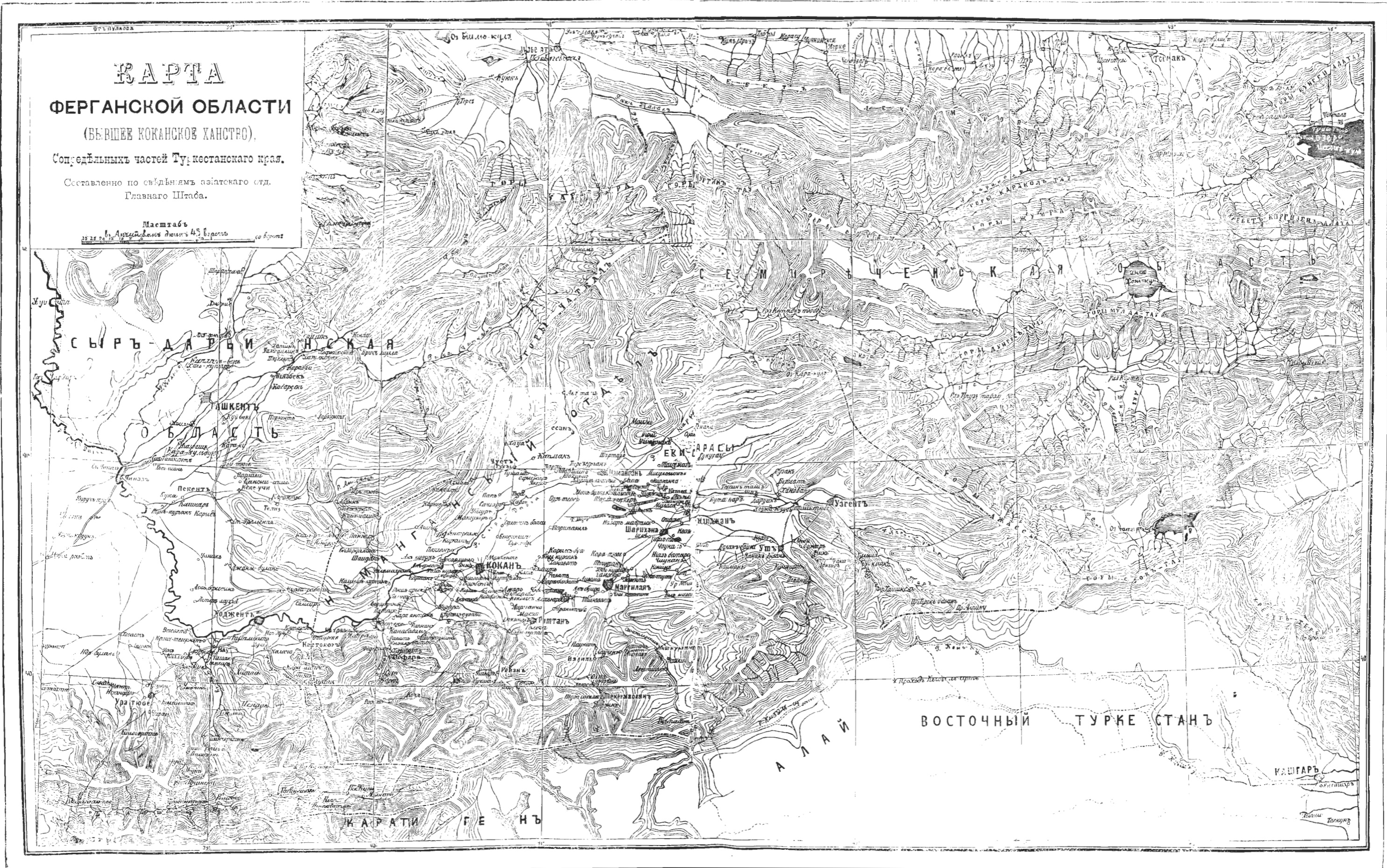
Близость юга — это преимущество Европы и даже европейской Россіи, позволяющая пользоваться удобно произведеніями южныхъ странъ и ихъ благотворнымъ климатомъ, — для Сибири не существовало... А отсутствіе этого преимущества не могло не повліять на развитіе Сибири, на развитіе тамъ вполнѣ цивилизованной жизни.

«Сибири было необходимо сосѣдство юга и она приобрѣла его съ присоединеніемъ къ ней Семірѣчья, а вполнѣдствіе и Кокана.

Коканъ недаромъ у туземцевъ заслужилъ названіе «плѣнительный Коканъ». Его плодородная долина представляетъ собою сплошную садъ, изобилующій всеми произведеніями юга. Кромѣ хлопка и риса, здѣсь можетъ быть съ большимъ успѣхомъ развито винодѣліе, шелководство и табачное производство, не говоря уже о садоводствѣ, которое и безъ того хорошо развито и даетъ обильные запасы фруктовъ, красильныхъ и аптекарскихъ растений. Въ Коканѣ найдены и уже эксплуатируются нефтяные источники; есть мѣдныя и серебряноцинковые руды, найдется и уголь и много другихъ минеральныхъ сокровищъ. Черезъ Коканъ могутъ быть получаемы въ Сибирь все произведенія изъ-за Тяньшаньскаго хребта, изъ Западнаго Китая и даже Индіи. Коканъ, наконецъ, представляетъ лучшую климатическую мѣстность для имѣющихъ надобность побережъся отъ разрушительнаго вліянія сѣвернаго климата. Такимъ образомъ Сибирь приобретаетъ въ Коканѣ то, чѣмъ для нея служитъ Западная Европа, Крымъ и Кавказъ. Для сибиряка пользоваться произведеніями Кокана также удобно, какъ для насъ произведеніями нашего юга, ибо на незначительномъ протяженіи, всего 800 верстъ, несмотря даже на гористую мѣстность, можно будетъ улучшить пути сообщенія и довести ихъ до совершенства европейскихъ дорогъ.

Такое отношеніе къ Туркестанскому краю и Кокану, сибиряки поняли съ перваго же раза. Въ то время, когда громады пространства Амурской и Уссурийской областей до сихъ поръ представляютъ почти пустыню, когда населеніе Оренбургскаго края ни на волосъ не подвинулось и не могло подвигнуться по пути къ Аральскому морю, — путь отъ Иртыша до Вѣрнаго сразу же началъ затягивать казачья станица, годъ отъ году разрастающіяся все болѣе и болѣе.

Само собою разумѣется, что если Сибирь воспользуется новою областью и ея обильными благами, то и трудолюбивое, способное трехмиллионное населеніе Кокана съумѣетъ извлечь свои выгоды изъ сношеній съ Сибирью и эти сношенія благотворно отзовутся на жизни той и другой страны, ускорятъ взаимное развитіе, быстрее поднимутъ уровень цивилизаціи.

Новый владения России. Карта Ферганской области (бывшее Коканское Ханство), средней части Туркестанского края, составленная по сведениям азиатского отд. Главного Штаба. Гравировалъ Бергъ и Скржиновскій.

Все дѣло только будетъ зависѣть отъ скорѣйшаго проведенія удобныхъ путей и на это должны быть направлены главныя правительственныя силы того и другаго округовъ.

Тогда только мы можемъ сказать, что недаромъ мы затратили до сорока лѣтъ на нашъ медленный военный походъ въ центральную Азію, не даромъ проходили эти громадныя, безводныя пустыни, недаромъ лили кровь въ войнахъ съ Бухарою, Коканомъ и Хивою—и во всякомъ случаѣ дешевле и лег-

че приобрѣли теперь несравненно выгоднѣйшій кусокъ, чѣмъ хивинскій оазисъ, поглотившій миллионъ денегъ, стоившій тяжкихъ жертвъ и усилій.

При большемъ ознакомленіи съ новопріобрѣтенною областю мы подѣлимся съ читателями болѣе подробными, болѣе интересными сообщеніями.

Н. К.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

ПОВѢСТЬ

Э. Марлитта.

Цѣло перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

ХІІІ.

Въ снѣгахъ, гдѣ окна выходили на сѣверъ, было уже довольно темно; тутъ, на красномъ кирпичномъ полу, лежали свѣтлыя полосы—отраженіе послѣднихъ огненныхъ лучей заходящаго солнца, которые играли на кухонной стѣнѣ, а дверь въ кухню была отворена. Тетушка-дьяконица стояла тамъ у окна и перемывала чайную посуду. Прежняя кухарка, вновь приглашенная, общалась придти только завтра (она прихворнула), а потому нѣкоторыя хлопоты по хозяйству лежали еще на плечахъ старушки. Она съ дружески-ласковой улыбкой кивнула Кэтѣ... Тетушка совсѣмъ и не подозрѣвала, что творилось тамъ, за этой широкой дверью; никакое предчувствіе не смущало ея мирной, кроткой души. Молодая дѣвушка содрогнулась и, не глядя на старушку, поспѣшила пройти въ садъ.

Было довольно-таки свѣжо. Сильный вѣтеръ дулъ съ рѣки; рѣзкія, холодныя струи воздуха обдавали лицо и плечи Кэты, а на ней и было только шолковое платье. Съ высоко-вздывавшеюся грудью бросилась она навстрѣчу этому пронзительному вѣтру. Сильнымъ чувствомъ была одарена эта дѣвушка; горячая, юношески-бурная кровь бѣжала у нея въ жилахъ; пламя сердечнаго негодованія пылало на ея щекахъ, сверкало въ сухомъ, жгучемъ взглядѣ, а оконечности тѣла нервически трепетали.

Да, ей только-что пришлось пережить нѣчто ужасное... Въ самомъ дѣлѣ, при какой страшной борьбѣ двухъ разгоряченныхъ существъ присутствовала она!.. И кто же вызвалъ эту бурю?.. Виновницей всему — была ея сестра, эта вѣроломная, суетная женщина... Она играла, завязывая серьезный узелъ, долженствовавшій соединить ихъ, играла, чтобы потомъ — чуть что не понравится — разорвать его и кусочки пустить по вѣтру, какъ негодную паутину!.. Правда, на этотъ разъ Флора крѣпко ошиблась въ выборѣ новой жертвы своей забавы: она наткнулась на кусокъ стали, полагая найти мягкое сердце, которое легко можно растоптать, глубоко унизивъ въ глазахъ свѣта, доведя его до отчаянія систематическимъ, постепеннымъ охлажденіемъ... Но что же сдѣлаютъ тутъ его твердость и энергія, которыя онъ обнаружилъ въ борьбѣ съ ней?.. Побѣжденъ все-таки онъ...

Кэта взошла на мостъ и, облокотившись руками на ветхія, распатавшіяся деревянныя перила, стала глядѣть внизъ. Шумящія волны катились подъ ея ногами; тамъ-и-сямъ высоко взлетали брызги, такъ какъ около берега стремящейся водѣ мѣшались обнаженные, торчащие крѣпкіе корни деревьевъ, а дно рѣки было усажено камнями, которые упорно отстаивали свое мѣсто.

Тутъ шла вѣчная борьба, а тамъ, вдали, въ блестящее зеркало рѣки смотрѣлся блѣдный серпъ луны, и казалось, что неподвижный серпъ этотъ на вѣчныя времена прикрѣпленъ къ небесному своду. Такъ же-ли вѣчная любовь въ человѣческомъ сердцѣ? Могутъ-ли сокрушить ее удары свирѣпой бури, или и они безсильны?.. Не исчезала-ли любовь, если сердце вынуждено было пре-

зирать то, что оно любило, если идеаль разлетался въ дребезги?.. Нѣтъ, не исчезала... Кэта во-очію видѣла это.

Странная, непонятная страсть!.. Вотъ, надъ этой самой крышей любовь однажды заставила сердце человѣческое испытать всѣ муки, всѣ страданія и довела его до отчаянія... Какъ-то недавно, возвращаясь домой, тетушка-дьяконица рассказала Кэтѣ такую исторію: Въ этомъ самомъ „домикѣ надъ рѣкой“ жила прелестная молодая вдова изъ фамиліи ф. Баумгартеновъ. Наслѣдникъ ея покойнаго мужа (представитель побочной линіи), весьма красивый кавалеръ, ежедневно являлся сюда изъ стараго фамильнаго замка, чтобы поглядѣть на прелестное женское личико... А личико это, обрамленное вдовимъ покрываломъ, обыкновенно выглядывало изъ окна. Прекрасный кавалеръ не дерзалъ входить въ домъ, потому что вдовушка была очень скромна. Частенько-таки онъ, гарцуя на своемъ ворономъ конѣ, проѣзжалъ узкій деревянный мостъ и осаживалъ горячее, фыркающее животное подъ завѣтнымъ окномъ, чтобы насладиться дыханіемъ прелестной женщины и горячо, страстно поцѣловать ея бѣлую ручку... И тѣ, кто видѣли это, божились, увѣряли всѣхъ, что какъ только она сниметъ трауръ—онъ введетъ молодую вдову снова хозяйкою въ замокъ Баумгартеновъ. Однако, случилось какъ-то такъ, что онъ уѣхалъ на довольно продолжительное время, отправился къ какому-то иностранному двору, ну, и вотъ, люди стали сообщать благородной женщинѣ, что прекрасный-то кавалеръ вернется сюда не одинъ, а съ молодой супругой изъ высокородной графской фамиліи. Улыбнулась только прелестная вдова на такія рѣчи и стала еще усерднѣе высматривать изъ окна... Она не вѣрила такому коварству, не вѣрила, пока не услышала звуковъ, доносившихся сюда изъ замка: трубы и рога возвѣстили ей, что возвратившійся владѣлецъ торжественно празднуетъ прибытіе въ замокъ своей молодой, гордой супруги... На другой день, утромъ, онъ, вмѣстѣ съ новой госпожей замка, перешелъ деревянный мостикъ и направился къ домику, чтобы представить жену свою особѣ, живущей „за рѣкой“. Еще издали были видны разноцвѣтные тюльпаны на тяжеломъ парчевомъ платьѣ молодой дамы, которая волочила его по землѣ; еще издали сверкала драгоценными камнями графская корона на широкомъ вѣрѣ въ ея рукѣ; борзая рыжая собака (она, бывало, всегда бѣжала впереди вороного коня) и теперь сопутствовала ему, но на этотъ разъ песъ не подбѣжалъ къ окну, изъ котораго когда-то бѣлая ручка угощала его сахаромъ и пирожками... Онъ пустился вдоль берега рѣки и, оставившись въ нѣсколькихъ саженихъ отъ домика, началъ жалобно лаять, визжать... Тутъ выплыла бѣлоснѣжная одежда; теребили ее и рвали сердитыя волны, желая увлечь съ собою, но тщетно: длинныя, бѣлокурыя косы блѣдной женщины запутались въ высунувшихся корняхъ прибрежныхъ деревьевъ и крѣпко держали утопленницу на одномъ мѣстѣ, какъ-бы поджидая прекраснаго кавалера... Пусть-же онъ въ послѣдній

Тюрьменни, купающія лошадей. Оригинальный рисунок Н. Каравича, грав. К. Вейерманнъ.